

Екатерина Владимировна Рахилина
(Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН)

Семантика русских именных конструкций с генитивом: ‘устойчивость’¹

Введение

Жизнь очень изменчива, как замечено еще древними – и в этом ее прелесть: ничто не повторяется и не приедается. Может быть, поэтому человек так ценит постоянство, стабильность, верность – в конечном счете, неизменность (обратим внимание, что в русском все эти слова имеют положительную оценку). В первую очередь, это касается отношений между людьми: мы знаем Арто давно, и для нас его образ – спокойный, сильный, уверенный, глубокий, преданный науке – всегда олицетворял финскую славистику. И конечно, так будет дальше!

Именно поэтому моя статья для Арто – об ‘устойчивости’ как семантическом параметре, который, как выясняется, настолько когнитивно значим, что, по нашему мнению, служит инвариантным значением для русских именных конструкций с генитивом, разнообразию которых посвящено немало страниц во всех русских грамматиках – см. среди прочего, Мустайоки (2006).

Начало данному исследованию и обсуждению роль признака устойчивости для генитива было положено нами в статьях Rakhilina (2003; 2004; а также Рахилина 2006). Первые работы были посвящены конструкциям с именами деятеля и генитивом меры: соответственно, *шофер автобуса* и *стакан молока*. По нашему замыслу, идея устойчивости отношения между участниками соответствующих ситуаций объясняла, почему в русском невозможно ни **носильщик чемодана*, ни **река воды* или **аквариум рыб*. В данной работе мы последовательно рассмотрим

¹ Работа поддержана грантом BCS-9905748. Я благодарю всех участников проекта (Е.В. Падучеву, В.Б. Борщеву и в особенности Б. Парти) за ее конструктивное обсуждение идей, которые положены в ее основу, а также Ю.А. Ландера и В.А. Плунгяна за ценные дополнения к тексту настоящей статьи.

с этой точки зрения другие случаи именных конструкций: генитив времени (*песня года*), части (*ножка стула*), места (*растительность тундры*) и изображения (*портрет Пушкина*).

1. Генитив времени

1.1. Трудные случаи

Надо сказать, что выражение временного значения в русском языке распределено между двумя именными конструкциями – генитивной, как в <лучшая> *песня года* или *главное событие дня* и атрибутивной, с относительным прилагательным, как в *ночной поезд* или *годовой отчет*. Семантически эти конструкции довольно существенно различаются, так что в большинстве случаев имя в генитиве нельзя заменить на прилагательное – и наоборот, ср.: **лучшая годовая песня*, **главное дневное событие* и др. Но с точки зрения задачи этой статьи более существенны случаи, когда запрещена генитивная конструкция – при том, что разрешена атрибутивная, а значит временное отношение между участниками ситуации установлено, ср. примеры (1):

- (1) *весенняя одежда* – **одежда весны*;
воскресный дежурный – **дежурный воскресенья*;
вековые дубы – **дубы века*;
годовые кольца – **кольца года*;
многочасовые дебаты – **дебаты многих часов*;
ночная стена – **стена ночи*;
недельная норма – **норма недели*;
месячный срок – **срок месяца* и др.

1.2. Интерпретация

Мы покажем, что генитивная конструкция времени, в отличие от атрибутивной, но точно так же, как конструкции с именем деятеля или меры, имеет в виду устойчивые отношения между ситуацией и соответствующим ей временным отрезком. А именно: генитивная конструкция времени предполагает, что описываемая ею ситуация имеет место в определенный этим временным отрезком конкретный период времени.

В принципе, это условие выполняется для имен, связанных временным отношением, далеко не всегда: пример *песня года* действительно устроен именно так и означает 'песня, которую пели / которая была популярной в течение этого года' но *ночной поезд* не означает 'поезд, который прибыл этой ночью' – скорее, 'поезд, который <регулярно> прибывает по ночам'. Поэтому в первом случае генитивная конструкция возможна, а во втором – нет.

Точно такое же нарушение условия устойчивости отношения, как и в *ночной поезд*, демонстрируют и все примеры типа (2), также не допускающие генитива:

- (2) *весенняя одежда* ≠ * ‘одежда этой весны’;
воскресный дежурный ≠ * ‘дежурный, нанятый на это воскресенье’;
вековые дубы ≠ * ‘дубы этого века’;
недельная норма ≠ * ‘норма этой недели’ и др.

С другой стороны, конструкции из (3):

- (3) *впечатления осени* ≠ *осенние впечатления*;
замешательство <первой> минуты ≠ *минутное замешательство*;
сомнения многих лет ≠ *многолетние сомнения*;
опыт второго семестра ≠ *семестровый опыт* и др. под.

не могут быть перефразированы с помощью атрибутивных без потери временной определенности, ср. атрибутивное *осенние впечатления* как ‘впечатления, характерные для осени (т.е. которые могут быть получены осенью, а не зимой, весной или летом)’, в противоположность генитивному *впечатления осени* – ‘те, которые были получены этой осенью’.

Специальных исследований временных именных конструкций для русского языка, насколько нам известно, не проводилось – важно однако, что наше условие соответствует тому, что обычно говорят грамматисты о противопоставлении атрибутивных и генитивных контекстов: атрибутивные как правило называют «кваликативными», т.е. соотносящих предмет с определенным (в нашем случае, временным) признаком, а генитивные – описывающие отношение к определенному референту (см., прежде всего, Земская 1992; ср. также Рахилина 2000, 88–93).

2. Части и целые

Из всего сказанного выше можно ожидать, что чем более устойчиво отношение между частью и его целым, тем более вероятна возможность кодирования такого отношения генитивной конструкцией. Это означает, в частности, что для русского генитива наиболее предпочтительна неотторжимая принадлежность. В принципе, русский язык, как известно, морфологически не различает отторжимую и неотторжимую принадлежность. Но все же в русском есть способы выразить сходные семантические различия синтаксическими средствами. Например, как показано в Рахилина (2000, 42–51) и Rakhilina & Weiss (2002), различаются части, которые не могут быть отторгнуты от своих целых, такие как *вершина*, *край*, *поверхность* и др. и «обычные» части – как *ручка (двери)*, *ножка (стула)*, *крыша (дома)* и под. Представители первой группы практически невозможны в контексте конструкции, ус-

ловно говоря, свершившегося отторжения – с предлогом *без*: ?*гора без вершины*, **чашка без края*, ??*стол без поверхности* (для интерпретации такого рода сочетаний нужен специальный сильный контекст). «Обычные» же части легко встраиваются в эту конструкцию: *дверь без ручки*, *стол без ножки* и т.д.

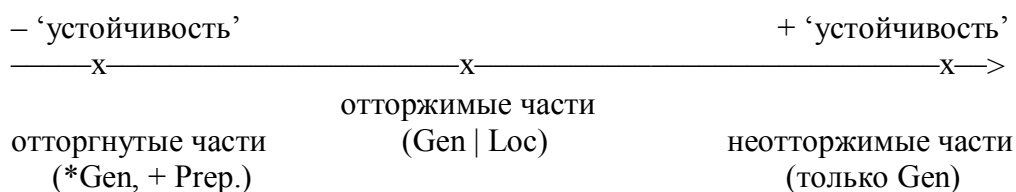
Ясно, что первая группа представляет более устойчивые отношения, чем вторая, и в каком-то смысле можно считать, что она соотносится с классом неотторжимых частей, а вторая – с классом отторжимых. Возвращаясь к семантике генитивной конструкции, обратим внимание, что в русском языке генитив является единственным способом выразить «неотторжимую» (в указанном смысле) посессивность, тогда как в других случаях широко используются локативные конструкции, ср. (4) и (5):

(4) *край стола* – **край на столе*,
вершина горы – **вершина на горе*;

(5) *пальцы руки* – *пальцы на руке*,
полки шкафа – *полки в шкафу*,
страницы книги – *страницы в книге*,
ручка двери – *ручка на двери*

И в целом, чем сильнее (т.е. чем более устойчиво) связаны между собой часть и целое, тем скорее можно ожидать для них генитивную конструкцию. Заметим, что генитив, например, не кодирует нарушенное отношение между частью и целым, которые очевидно не удовлетворяют условию устойчивости, ср. *ручка от чашки* → **ручка чашки* (последнее интерпретируется всегда только как актуальное отношение принадлежности части целому).

Таким образом, можно было бы говорить о своего рода «шкале устойчивости» для отношения часть / целое, один полюс которого представляют «сломанные» объекты, у которых часть уже отделена от целого, и в этом смысле это предельный случай отторжимости (как *ручка от чашки*), а другой полюс этой шкалы будут представлять, наоборот, «неотторжимые» части, которые не могут существовать автономно, без своих целых (как *край чашки*). Обычные же части – которые могут быть и актуальными, и автономными, займут середину этой шкалы. На такой шкале можно проследить корреляцию генитива и устойчивости отношения часть-целое:

Подобно временному отношению, отношение часть-целое может выражаться и атрибутивно – *окно чердака – чердачное окно*. И так же как с периодами времени, генитив как более устойчивое предпочитает индивидуальное, негенерическое отношение, т.е. спецификацию отношения часть-целое, ср. пару примеров, представленную в (6):

- (6) *В доме было чердачное окно (*окно чердака) – Окно чердака было открыто.*

В первом примере характеризуется *тип* окна и используется атрибутивная конструкция; начальная позиция именной группы во втором предложении указывает на специфицированность, конкретность объекта, а это определяет выбор генитива как способа оформления устойчивого отношения.

3. Генитив места

Интересно, что с точки зрения русского языка, в чистом виде отношение между объектом действительности и его (временным) местонахождением признается *неустойчивым*, так что генитив такое отношение не кодирует, ср. (7):

- (7) **женщины поля* ('которые работают в поле');
**спортсмены стадиона* ('тренирующиеся / выступающие на стадиона');
**поезд станции* ('тот, который проезжает / останавливается на / следует до станции');
**студенты 32-й аудитории* 'студенты, которые занимаются в аудитории 32'.

Возможен генитив только в том случае, если локативное отношение совмещено с другим, более устойчивым – например, отношением часть-целое, как, скажем, в *перрон станции* – с одной стороны, перрон размещен на станции, а значит описывается его местонахождение, с другой же – он часть станции, так что это локативное отношение не окказионально, а заведомо устойчиво: перрон от станции никуда не денется.

Любопытно, что ситуация с пространствами как локализациями (ср. такие имена, как *тундра, пустыня, ад*) несколько иная: в отличие от обычных локализаций физических объектов, пространства легко допускают генитивные конструкции: *растительность тундры, чудовища ада* и др.

Дело в том, что объект, находящийся в пространстве, становится частью этого пространства – в отличие от объекта, находящегося на поверхности. Заметим, что сходные ограничения выявлены в Jensen & Vikner (2002) для английских генитивных конструкций на *-s* со значением места. Они рассмотрели те случаи, где такой генитив возможен,

ср. *Denmark's businessmen* 'датские бизнесмены (букв. бизнесмены Дании)' и те, где он запрещен, ср.: **the garden's businessmen* (букв. бизнесмены сада) и сформулировали правило, которое назвали «гипотезой мирообразования» («the world hypothesis»): лексические значения всех имен содержат ингерентную семантическую роль 'быть частью некоторого мира' (part-of (y: world)(x)). В таком случае, *Denmark's businessmen* обозначает только тех бизнесменов, которые работают в Дании и могут быть признаны так сказать, 'частью датского мира'. Причем, согласно выдвинутой ими гипотезе, есть имена, которые «образуют миры», как *universe* 'вселенная', *society* 'общество', *civilization* 'цивилизация', *culture* 'культура', и в их числе названия стран, городов и других территорий – а есть такие, которые в этот список не входят, как, например, *garden* 'сад', поэтому генитивная конструкция **the garden's businessmen* оказывается невозможна.

Вообще говоря, данная интерпретация в чем-то близка к нашей: в частности, бесспорно, что именно сопутствующее отношение часть-целое дает возможность пространственной ситуации кодироваться генитивом. Остается только вопрос, почему. Наш ответ апеллирует к более общему принципу: условию устойчивости отношения – мы считаем, что отношение часть-целое более устойчиво, чем просто пространственное и, тем самым, оно «добавляет» пространственной ситуации устойчивости – причем это касается не только собственно конструкции генитива места, но и всех других типов генитивных конструкций и даже взаимоотношений генитивной конструкции с ее прагматическим контекстом.

Действительно, как показано выше, устойчивость может привноситься и контекстно – причем как за счет лексических средств – ср. числительные или квантитативные прилагательные и наречия (для конструкции меры, ср. *полный аквариум воды*; см. Rakhilina (2003), Borschev & Partee (2002), так и за счет грамматики, ср. обсуждавшуюся в Rakhilina (2003), Рахилина (2006) роль числовых показателей в формировании устойчивого отношения между именем деятеля и его коррелятом – пары типа *зритель Михалкова – зрители Михалкова*. Тогда мы показали, что в некоторых случаях «сменность» участников отношения (когда в каждой конкретной ситуации взаимодействия обязательно задействован другой представитель данного класса референтов), ведет к потере им устойчивости и препятствует использованию генитива – но она может быть «исправлена» генерической интерпретацией, которая на месте сменного единичного субъекта формирует **класс** имен деятелей (*зрители*), которые постоянно (и устойчиво) связаны с коррелятом.

Таким образом, множественное число или генерическая интерпретация возможны как средства достижения стабильности отношения – и

это оказывается верно для генитива места. Ср. следующую тройку примеров (они подсказаны Ю.А. Ландером):

- **птица леса*: «чистое» пространственное отношение между двумя объектами: ‘птица, которая живет в <этом> лесу’ ~
- *?птицы леса* – тоже пространственное отношение: ‘те птицы, которые живут в <этом> лесу’. Оно может стать чуть более устойчивым, чем первое, если найдется еще какое-то свойство, объединяющее этих птиц и отличающее от других ~
- *птицы лесов* (‘птицы, которые живут в лесах’ – они не независимы от леса, т.е. не только находятся в нем, но и составляют часть его пространства, и в этом качестве обладают отличительными качествами от тех, которые обитают в тундре, пустыне и проч.).

4. Генитив изображения

4.1. Факты и проблемы описания

Этот тип генитивной конструкции хорошо иллюстрирует пример *Портрет Пушкина* ‘портрет, изображающий Пушкина’, где генитив маркирует отношение между специальным типом артефактов, изображающим кого-то или что-то и объектом, который изображен. Имен, обозначающих изображения, в языке не так много, поскольку не так уж много существует типов изображений, ср.: *изображение, картина, пейзаж, этюд, карикатура, значок, бюст, статуя, скульптура, памятник, фигура, профиль, отражение, кукла, чучело, пугало*.

Проблема состоит в том, что некоторые имена из этого списка допустимы в генитивной конструкции (назовем их Группа 1), а некоторые (Группа 2) – нет, причем по непонятным причинам – ср. примеры в (8), представляющие Группу 1 и (9), представляющие Группу 2:

(8) Группа 1:

портрет Пушкина, фотография моей матери, бюст Наполеона, статуя Командора, изображение / отражение моего лица, профиль Людовика XIV на монетах, чучело крокодила, тень дерева, фигура президента

(9) Группа 2:

**картина деревни, *памятник Пушкина, *кукла младенца (в значении: ‘изображающая младенца’), *значок костра (‘сделанный в виде костра’), *пугало дворника (*имитирующее дворника), *карикатура Горбачева (‘представляющая Горбачева’).*

4.2. Интерпретация

Наша интерпретация апеллирует, конечно же, снова к понятию устойчивости отношения. В данном случае наиболее устойчивым будет такое отношение, которое описывает изображение и его конкретную модель, т.е. изображаемое – именно так устроены сочетания первой группы: портрет, например, обычно соотносится с тем конкретным человеком, который на нем изображен. То же верно и для фотографий, отражений в зеркале, теней или чучела, имеющего в качестве прообраза какое-то конкретное животное: в каждом случае речь идет о корреляции изображения и вполне определенной модели. Обратим внимание, что сочетание *статуя Командора* звучит лучше, чем, например, ^{??}*статуя медведя*, поскольку имя *медведь* в этом контексте вряд ли обозначает индивидуальную особь – скорее, вид животного.

Кроме того, в первую группу попали имена, представляющие отношения изображение-модель, осложненное отношением часть-целое – это: *бюст, фигура, профиль*. По понятным причинам, они могут кодироваться генитивом.

Напротив, вторая группа представляет неустойчивое отношение между изображением и моделью, потому что изображения, которые в эту группу входят, не «копируют» свои модели. Например, карикатура нарочно изменяет внешность изображаемого лица, чтобы достичь комического эффекта. Памятник – вообще не обязательно является изображением человека: крест на могиле – тоже памятник, и исходное значение этого имени восходит к *память* – т.е. это некоторый монументальный объект, который воздвигнут в память о некотором событии или некотором человеке; таким объектом в частности, может быть и изображение этого человека – но не обязательно. Поэтому имя *памятник* управляет не генитивом, а дативом, по крайней мере в литературном языке: говорят *памятник Пушкину*, а не **памятник Пушкина*. Преимущество датива перед генитивом здесь вполне мотивировано: с одной стороны, нет устойчивого отношения, с другой – памятник посвящен некоторому лицу, т.е. **адресован** ему, а адресатное отношение в русском языке выражается дативом.

Точно так же и другие слова второй группы – *кукла, значок, пугало* – не предполагают, что в них запечатлено конкретное лицо или ситуация: они представляют **типичное** изображение и воспроизводят обобщенные свойства, например, младенца (как *кукла*), или какого-то страшилы (как *пугало*) или вообще абстрактный символ (как *значок*). Следовательно, эти имена не имеют устойчивых отношений со своим коррелятом-моделью и поэтому не допустимы в генитивной конструкции, ср. **кукла младенца* (для 'кукла в виде младенца') или **пугало дворника* (для 'пугало в виде дворника'). В сущности, тот же эффект

мы наблюдали на примере сочетания ?? *статуя медведя*, однако здесь для него есть грамматически корректная пара *статуя Командора*, т.е. в этом случае при изменении коррелята с общего имени на собственное, мы добиваемся устойчивости его отношения с изображением: с новым коррелятом слово *статуя* переходит из Группы 2 в Группу 1.

Любопытно, что тот же переход произошел (оказионально) и со словом *кукла*, и тоже в контексте собственного имени. Когда-то на телевидении была программа под названием «Куклы» – она представляла известных политиков в виде кукол, так что участниками ее были кукла Путина, кукла Жириновского, Явлинского и т.д., и для описания этой ситуации устойчивого отношения между образом (кукла) и его прототипом генитивная конструкция вполне годится. Следовательно, в данном контексте *кукла* тоже переходит из Группы 2 в Группу 1.

Но самым интересным с нашей точки зрения во второй группе является имя *картина* – особенно если учесть, что семантически близкое ему *фотография* попадает в первую группу. Понятно, что фотография копирует свою модель более–менее точно, и устойчивость соответствующего отношения не вызывает сомнений. В английском языке картина и фотография не различаются – они называются одним словом, но русский дифференцирует эти объекты, приписывая соответствующим именам не только разную семантику, но и, как мы видим, разный синтаксис. С точки зрения русского языка, *картина*, в отличие от фотографии, – нечто большее, чем простое изображение фиксированной модели – это произведение искусства, и поэтому ее соотношение с изображаемым не так прозрачно и устойчиво, как в случае с фотографией.

С этой точки зрения *картина* как физический объект может быть противопоставлена другому значению этого слова – *картине* как мысленному образу ситуации, которую видит наблюдатель – как в *картина смерти* или *картина пожара*. В этом случае отношения имени и его коррелята устойчивы, потому что прообразом мысленного изображения всегда служит конкретная ситуация – следовательно, в этом значении *картина* по нашей классификации принадлежит уже не ко второй, а к первой группе имен.

Заключение

Общая идея этой статьи состояла в том, чтобы продемонстрировать, как можно использовать понятие устойчивости отношения при описании разных типов генитивных конструкций. Таким образом, главным для нашего исследования было понятие *устойчивости*. Обсудим его в свете полученных здесь результатов.

По-видимому, на сегодняшний день уже многие исследователи согласятся, что синтаксическая природа отношения между именами в

генитивной конструкции – аргументна: одно из имен является (или становится в результате семантического сдвига), говоря в терминах формальной семантики, реляционным, и генитив выражает его аргументное отношение. Именно такая точка зрения развивается в работах Б.Х. Парти и В.Б. Борщева (ср. например, Partee 1983/1997; Partee & Borschev 1998 и др.). Судя по трактовкам, принятым в ТКС-1984 (см., например, толкование предметного слова *окно*, у которого в ТКС усматриваются глубинно-семантические валентности), она не противоречит Московской семантической школе (ср. Апресян 1974 и 2006); видимо, данное решение лежит и в русле теории «квалитативной структуры» Дж. Пустеевского (Pustejovsky 1993; 1995) и др. Следуя этим авторитетным экспертам, можно принять, что генитивная конструкция *проявляет и кодирует* аргументные отношения имен.

Проблема, однако, в том, что она делает это не всегда – и это проблема для всех описаний, в том числе сугубо дескриптивных, потому что факты такого рода до сих пор не обсуждались и не учитывались в традиционных описаниях русского генитива. Между тем, как видно из представленного нами материала, ограничения имеются во всех рассмотренных типах генитивной конструкции, а именно:

- Генитив времени разрешен только с коррелятами, которые обозначают конкретные периоды времени, устойчиво связанные временными отношениями с обозначенным вершинным именем событием;
- Генитив части-целого выбирает устойчивое отношение между частью и целым и невозможен в тех случаях, когда часть отторгнута от целого;
- Генитив места возможен только когда коррелят обозначает не случайное и временное место нахождения объекта, обозначенного вершинным именем – наиболее предпочтительны для него случаи, когда пространственное отношение между именами поддерживается каким-то другим, более тесным – например, отношением часть-целое;
- Генитив изображения требует, чтобы изображение копировало конкретную модель (тем самым предполагая устойчивость отношения), иначе конструкция оказывается неприменима.

Конечно, все эти факты, свидетельствующие об ограничениях на разные типы генитивной конструкции, могут описываться независимо друг от друга, но нам кажется, что предъявленные ограничения поддаются общему правилу. В самом общем виде, наше правило состоит в том, что генитив не кодирует **случайных** связей объектов и что чем более независимы друг от друга имя и его коррелят, тем меньше вероятности, что данное отношение будет обозначаться генитивной конст-

рукцией. Именно такая стратегия генитива описывается метафорой устойчивого отношения (Rakhilina 2004): генитивная конструкция в русском языке выражает устойчивые отношения и не выражает неустойчивых. Устойчивость, следовательно, становится элементом грамматического набора.

Мир изменчив, но устойчив. И в нем – Арто Мустайоки и его ученики, а значит, финская славистика в надежных руках.

Адрес электронной почты автора: rakhilina@gmail.com

Литература

- Апресян, Ю.Д. 1974. *Лексическая семантика: Синонимические средства языка*. М.: Наука.
- Апресян, Ю.Д. 2006. Основания системной лексикографии. В кн. *Языковая картина мира и системная лексикография*, 33–163. М.: Языки славянской культуры.
- Земская, Е.А. 1992. *Словообразование как деятельность*. М.: Наука.
- Мустайоки, А. 2006. *Теория функционального синтаксиса. От семантических структур к языковым средствам*. М.: Языки славянской культуры.
- Рахилина, Е.В. 2000. *Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость*. М.: Русские словари.
- Рахилина, Е.В. 2006. *Снова о русском родительном*. В печати.
- ТКС 1984 = Мельчук, И.А. & А.К. Жолковский. 1984. *Толково-комбинаторный словарь современного русского языка* (Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 14). Wien.
- Borschev, V.B. & B.H. Partee. 2002. Genitives, types and sorts. Paper presented to the Workshop «Semantics / Syntax of Possessive Constructions». University of Massachusetts, Amherst, May 6–8.
- Jensen, P.A. & C. Vikner. 2002. The English Prenominal Genitive and Lexical Semantics. Paper presented to the Workshop «Semantics / Syntax of Possessive Constructions». University of Massachusetts, Amherst, May 6–8.
- Partee, B. H. 1983/1997. Uniformity vs. versatility: the Genitive, a case study (appendix to T. Janssen, Compositionality). В кн. J. van Benthem, A. ter Meulen (eds.), *The handbook of logic and language*. Amsterdam: Elsevier.
- Partee, B.H. & V. Borschev. 1998. Integrating lexical and formal semantics: Genitives, relational nouns, and type-shifting. В кн. R. Cooper, Th. Gamkrelidze (eds.), *Proceedings of the 2nd Tbilisi Symposium on Language, Logic, and Computation*, 229–241. Tbilisi: Tbilisi State University.
- Pustejovsky, J. 1993. Type coercion and lexical selection. В кн. J. Pustejovsky (ed.), *Semantics and the Lexicon*, 73–94. Dordrecht: Kluwer.
- Pustejovsky, J. 1995. *The generative lexicon*. Cambridge (MA): MIT Press.
- Rakhilina, E.V. 2003. The case for Russian Genitive case reopened. В кн. W. Browne et al. (eds.), *Formal Approaches to Slavic Linguistics: The Amherst meeting 2002*, 433–450. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications.

- Rakhilina, E.V. 2004. On genitive and 'stability': evidence from Russian. В кн. Ji-yung Kim et al. (eds.), *Possessives and beyond: Semantics and syntax (UMOP 29)*, 45–58. Amherst (Mass.): GLSA.
- Rakhilina, E.V. & D. Weiss. 2002. Forgetting one's roots: Slavic and Non-Slavic elements in possessive constructions of modern Russian. *STUF* 55.2, 173–205.